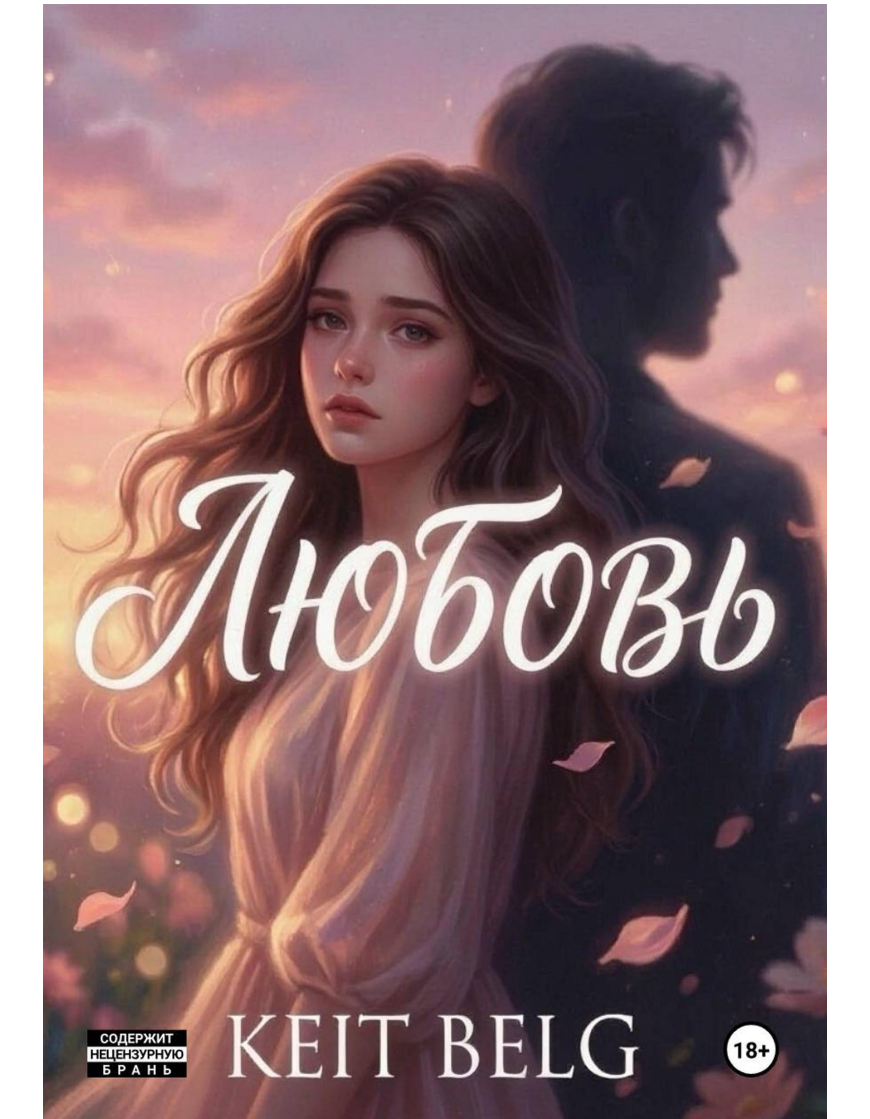

Любовь

KEIT BELG

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Keit Belg Любовь?

<https://litres.ru/74366748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девочка Вера любила старшего братика своих сестер.
Выросла! Девушка Вера любила старшего брата своих подруг,
Любовь или игра? Что значат первые чувства и через что
может пройти искренняя любовь ?

Содержание

Пролог	4
Признание	5
Ароматный яблочный пирог	8
Парк	12
Работа	18
Решение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Любовь?

Пролог

Всегда считала, что любовь не для меня — она словно чужая сказка, в которую мне вход заказан. Девочка по имени Вера, вечно стоящая в стороне, наблюдающая за чужими чувствами, будто сквозь запотевшее стекло.

— Ты реально задумала это дело? — в голосе Лисы слышался не просто вопрос, а тихий ужас, будто она пыталась достучаться до меня сквозь толщу моего собственного упрямства.

— Да, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, но внутри всё сжималось в тугой, болезненный узел. — Мне больше ничего не оставалось, как выполнить это задание. Смешно, правда? Я сама загнала себя в угол, а теперь пытаюсь убедить себя, что это просто игра. Но самое страшное — я поверила в его искренность. Поверила так отчаянно, что теперь не знаю, как жить, если это окажется ложью.

Признание

Весна. Прекрасное время года для открытия себя и своих чувств. «Этой весной я точно изменюсь!» — решительно подумала Вера. Больше будет заниматься собой: запишется в какую-нибудь фитнес-группу, пройдет обследование... МРТ головного мозга было бы неплохо сделать — как пример, бурчала я про себя.

Это же надо было додуматься — признаться в своих чувствах к соседу! К старшему брату своих подружек... Ужас! Как же теперь стыдно!

Перед глазами предстало кафе — как раз вовремя, можно перекусить. Щёки горели огнём. Она не услышала ответа — просто развернулась и убежала.

Для Макса она всегда была просто подружкой его сестёр. Почему же решила сейчас, что может ему нравиться?

Зазвонил телефон весёленькой мелодией — это была Светка, как раз та самая сестра Макса.

— Привет!

— Привет, — расстроено ответила Вера.

— Что с тобой?

— Лучше не спрашивай... Я натворила дел.

— Приходи, расскажешь. Ольга испекла яблочный пирог.

— Ммм, яблочный... Как я его люблю!

На том конце трубки зашуршало.

— Верка, приходи! — выкрикнула Ольга. — Я же знаю, что ты его любишь!

— Нет, девчонки...

— Давай, давай!

— А Макс дома?

— Не-а, только Ромка.

— Тогда бегу!

Вообще, они дружили с детства — с тех самых пор, как Вера переехала в этот город. Родители тогда развелись, и мама забрала её с собой, когда ей было десять, отправилась «зализывать раны» к своим родителям.

Мы всегда тянемся к близким, когда нам больно...

Хорошо, что сейчас мама счастлива, нашла свою любовь. А папа... А папе, похоже, хорошо без них.

Так вот, дружили они давно. В семье Салиховых было четверо детей: две младшие сестры-погодки и два брата с разницей в пять лет — Максим, Роман, Светлана и Ольга. Родители их трудились на заводе: мама — швея, папа — тракторист. С детства они проводили время вместе: играли, ночевали друг у друга, ссорились и мирились. Все считали, что Вера испытывает чувства к Ромке, но на самом деле она была влюблена в того самого недоступного парня — в самого старшего, Максима.

И всё было хорошо: её тайная детская влюблённость тихо росла, крепла, пряталась за шутками и смехом... И вот неожиданно ей захотелось открыться. Только время она вы-

брала ужасно неудачное — сразу после очередного расставания Максима с девушкой.

Она призналась, покраснелась до самых ушей — и тут же убежала, даже не услышав, что он ей сказал.

«Дурочка...» — шептала она себе, стискивая кулаки, будто хотела удержать внутри эту жгучую смесь стыда и надежды.

А теперь стыдно до слёз. Значит, придётся делать вид, что ничего не было.

«Решено!» — повторяла она про себя, как заклинание, пытаясь унять дрожь в пальцах. «Пойду на пирог...» — слабо улыбнулась, цепляясь за эту простую, уютную мысль, словно за спасительную соломинку.

Ароматный яблочный пирог

Улыбка скользнула по губам, стоило зайти в дом. Аромат пирога витал по кухне. Девчонки уже накрыли стол.

— Не стой! Быстрее, быстрее мой руки! — Светка всегда была шустрой.

Ольга вышла с улыбкой:

— Там сейчас Димка пришёл, тоже чай пить станет.

У Салиховых всегда куча народа: то к мальчишкам кто-то придёт, то к девчонкам. Родители же всегда собирали всех на праздники — родственников было много.

«Привет!» — поздоровалась я, как только пришла.

— Привет, привет, — пробурчали Ромка и Димка.

— Ромео, ты чего злой?

— Да... Макс, — начал он, — вечно всё лучшее ему достаётся...

Я промолчала, но сердечко, глупое моё, забилося от одного упоминания имени.

— Что ты гонишь, Ром?

От раздавшегося голоса холодок прошёл по спине, щёки сразу защипало — будто кто-то невидимый провёл по коже ледяной иглой. А потом время будто замерло: в груди что-то дёрнулось, сжалось и тут же забилося в сумасшедшем ритме, словно сердце решило вырваться наружу.

Повернув голову, я увидела его.

Максим был высоким темноволосым парнем с карими глазами; от его улыбки подкашивались ноги. Но сейчас, когда наши взгляды на секунду встретились, мне показалось, что пол уходит из-под ног, а воздух вдруг стал слишком густым, чтобы его вдыхать. В голове мелькнула нелепая мысль: «Хоть бы не покраснеть ещё сильнее...» — но было уже поздно.

— Привет! — задорно поприветствовал меня он, не отрываясь, следил за выражением моего лица, будто пытался прочесть в нём какой-то секрет.

От раздавшегося голоса холодок прошёл по спине, щёки сразу зашипило.

— Привет, — выдохнула я, и этот тихий звук показался мне чужим, будто кто-то другой произнёс его вместо меня. Внутри всё дрожало, как натянутая струна, готовая вот-вот сорваться.

Повернув голову, я увидела его.

— Тебе плохо?

— А? Нет-нет.

— Вер, что с тобой? — Ольга, проходившая мимо, заметила мои красные щёки.

— Всё нормально.

— Садись, давай.

— Вы говорили, Максима нет, — тихо спросила я, но он услышал.

— А что, я мешаю?

— Нет-нет.

Я села за стол. Как всегда, тут, помимо пирога, были варенье, конфеты и какие-то странные печенья.

— А это что?

— Это пыталась сделать Светка, — признался Ромка.

Я рассмеялась:

— Да уж, готовка у Светы не получается.

— Какие планы? — задал вопрос Максим, но почему-то взгляд его был прикован ко мне.

— Да что ещё делать... Гулять, — пробурчал Ромка.

Сейчас были летние каникулы, и делать было нечего. Девчонки старше меня на два года и уже выпустились, учились в колледже: одна — на кондитера, другая — на технолога общественного питания. Кто на кого — было понятно.

Ромка был на год старше и только поступил на программиста. Максим — на пять лет старше и казался вообще взрослым: он учился в университете нашего города на учителя физкультуры.

А я... Я ещё школьница, перешла только в 11-й класс, но твёрдо намерена на следующий год поступить в тот же университет, что и Максим. Буду учителем русского языка. Во мне всегда присутствовала философская жилка. «Зубрилка» — так меня называют в школе, но я не обижаюсь.

— Пойдёмте в парк, — предложила я. — Там можно арендовать лодку.

— Заманчиво, — улыбнулся Максим.

— Давайте, — согласилась Ольга.
На этом и решили.

Парк

Добираться до парка было недалеко, и всей толпой мы двинулись пешком. Идти, на самом деле, недолго, но рядом с Максимом я замедляла шаг.

— Что-то ты странная какая-то, — хохотнула Светка. — Влюбилась? — И покосилась на Максима.

Они знали про мои чувства к нему, поэтому и подначивали сейчас.

— Кстати, что ты утром успела натворить? — спросила Ольга.

Мне захотелось провалиться сквозь землю.

— Ничего, ничего...

— Да ты ответила на звонок дрожащим голосом и заикалась, — не унималась она.

Максим прислушался. Смеясь, он уточнил, что произошло утром. Карие глаза внимательно смотрели на меня.

— Ничего, — буркнула я, покраснев.

Спас телефонный звонок — это была мама.

— Привет, мам.

— Дочь, ты когда домой? Снова торчишь у Салиховых?

— Скоро, мам. Ну, у них...

— Денежку скинуть?

— Если можешь, спасибо.

Мама старалась дать мне всё, несмотря на новые отноше-

ния, не забывала меня. Я улыбнулась и отключилась.

— Пойдёмте за мороженым! — весело перевела тему.

— Ну, давай, — согласились остальные.

Купив по рожку, мы продолжили путь к парку. Весело смеялись с девчонками, донимали мальчишек, а те шутливо злились и гонялись за нами.

Мороженое таяло на жаре, и я то и дело слизывала капли, пока бежала, стараясь не отставать от Светки — она неслась вперёд, размахивая руками и выкрикивая что-то про то, что сегодня точно обгонит Ромку. Он нарочно замедлялся, давая ей шанс, а потом вдруг резко ускорялся, заставляя её визжать от возмущения. Ольга шла чуть спокойнее, но стоило Димке сделать вид, что сейчас схватит её за рюкзак — и она тут же срывалась с места, хохоча так, что, казалось, даже голуби на скамейках вздрагивали.

Я бежала где-то посередине, чувствуя, как солнце щекочет кожу, а в груди всё трепещет — не только от бега, но и от того, что где-то рядом, в этой кутерьме, был Максим. Он не носился как угорелый, а держался чуть позади, будто присматривал за всей этой суматохой. Пару раз я ловила его взгляд — он улыбался, не широко, а так, по-особенному, будто знал какой-то секрет. И от этой улыбки становилось одновременно и спокойнее, и куда волнительнее.

А потом мы наконец добежали до входа в парк — и шум города будто остался где-то позади, растворившись в шелесте листвы и птичьем гомоне. Здесь всё дышало летом:

пахло нагретой корой и сладкой ватой, доносился далёкий смех с аттракционов, а над клумбами кружились пчёлы. Мы остановились, переводя дух, и вдруг все разом замолчали — на секунду, просто чтобы почувствовать этот момент. А потом Светка ткнула меня в бок и прошептала: «Ну что, теперь главное — не пялиться на него каждые пять секунд». Я фыркнула, пытаюсь сделать вид, что мне всё равно, но щёки предательски горели.

Я старалась не смотреть на Максима, не касаться его и вообще делала вид, что его нет. Получалось это до тех пор, пока мы не пришли к парку.

Парк в нашем городе был красивым: за ним ухаживали и постоянно обновляли. В парке было искусственное озеро, по которому катались на лодочках и сапах. Вокруг озера обустроили скамейки и дорожки — они вились, словно ленты, то подступая к самой воде, то убегая в тень раскидистых лип и клёнов. На солнечных полянках пестрели клумбы: алые петунии сплетались с нежно-синими лобелиями, а вдоль главных аллей тянулись ряды бархатцев, будто рассыпанные золотые монеты.

Подальше — аттракционы: весёлый вихрь каруселей, звонкий смех с колеса обозрения и тихий скрип качелей, которые раскачивались чуть в стороне, в укромном уголке, где любили сидеть влюблённые пары. В общем, полный рай для народа: место, где можно отдохнуть и повеселиться.

Зимой тут заливают каток, и лёд переливается под огнями

гирлянд, будто усыпан звёздной пылью. Ставят большую ёлку — её украшают игрушками ручной работы, которые каждый год делают школьники, и она становится сердцем праздника. Недавно открылся контактный мини-зоопарк: там бегают пушистые кролики, важно вышагивают козочки, а у пруда крикают утки, выпрашивая угощение. Дети смеются, протягивая ладошки, и кажется, что даже воздух здесь пахнет счастьем — тёплым хлебом, ванилью и чуть-чуть — свежескошенной травой. Красота!

Задумалась о подработке. Кстати, надо узнать — почему бы и не поработать в летний период?

Мы взяли напрокат две лодки. В одну села я, Ольга и Максим. Во вторую — Ромка, Димка и Света.

— Ты заметила, что Светке нравится Димка? — поделилась Ольга.

— Ты серьёзно? Не догадывалась даже.

Но, увидев, как хихикала Светка и постоянно донимала Диму, я убедилась, что это так.

— Думаешь, получится? — обратилась я к ней. — Сейчас мальчишкам не нужны отношения.

— Почему это? — встрял Максим.

— Ну... это...

— Не делай поспешных выводов, — сказал он.

«К чему это он?» — подумала я. Неужели... Моё глупое сердце затрепетало в груди.

— Да получится, получится! Ромка недавно говорил, что

Димка к нам не просто так ходит, — рассмеялась девчонка.

Спрятав улыбку, мы наслаждались отдыхом.

Максим взял на себя греблю, а нам оставалось только осматривать озеро и фотографироваться. Селфи мы делали постоянно — то все вместе, хохоча и наваливаясь друг на друга, то по отдельности, пытаясь поймать идеальный ракурс. Ольга всё время просила меня щёлкнуть её так, чтобы в кадр попала и лодка, и озеро, и хоть кусочек неба, будто хотела навсегда сохранить это мгновение.

Лодка плавно покачивалась на лёгкой ряби, и от каждого взмаха вёсел по воде расходились круги, рассыпаясь на тысячи солнечных бликов. Максим ритмично греб, и в этом движении была какая-то спокойная уверенность: он будто не просто вёл лодку, а задавал ей свой ровный, надёжный ритм. Время от времени он поднимал взгляд, окидывал взглядом озеро, будто проверяя, нет ли впереди чего-то, что может помешать, а потом снова опускал глаза — и в этот момент я старалась не смотреть на него слишком долго, но всё равно ловила эти короткие мгновения.

Я то и дело доставала телефон, делала снимки: вот Ольга смеётся, прикрывая глаза от солнца; вот лёгкая волна бьётся о борт лодки; вот Максим чуть щурится, когда ветер бросает прядь волос ему на лоб. Хотелось запечатлеть каждую деталь, чтобы потом, в холодные дни, можно было открыть галерею и снова почувствовать этот тёплый воздух, услышать смех девчонок и тихий плеск воды.

— Давай сделаем фото, — вдруг сказал Максим, на секунду приостанавливая вёсла. — Вот так, на фоне озера.

— Давай, — улыбнулась я, чувствуя, как внутри всё замирает от неожиданности.

Он протянул руку, чтобы взять мой телефон, и наши пальцы на миг соприкоснулись — всего на секунду, но этого хватило, чтобы по коже пробежал лёгкий холодок, а сердце забилось чаще. Он сделал пару кадров, потом посмотрел на экран и хмыкнул:

— Тут ты смеёшься. Тебе идёт.

Я почувствовала, как щёки заливает румянец, и поспешно отвернулась, будто очень заинтересовалась утками, которые кружили неподалёку. Но в груди разливалось приятное тепло — будто кто-то зажёл внутри маленький, но очень яркий огонёк.

Ольга тут же подхватила эстафету:

— Теперь меня! И Максима тоже! Ну хотя бы плечо! Или ухо!

Мы снова смеялись, лодка чуть покачивалась, а озеро, казалось, отражало не только небо, но и все наши эмоции — лёгкие, яркие, немного неуклюжие, но такие настоящие.

«Вот бы мы были вместе», — подумалось мне. Как бы мы строили отношения?

Работа

Накатавшись на озере, мы решили сходить на аттракционы.

Девчонки долго уговаривали меня покататься на колесе обозрения.

— Я боюсь, не пойду, не пойду, — качала головой я.

— Давай, ну же, давай! — канючили они.

Сердце колотилось где-то в горле, а ладони стали ледяными и скользкими от пота. Я стояла перед колесом обозрения — огромным, будто хищным, с поскрипывающими спицами и кабинками, которые покачивались на ветру, словно пустые гнёзда. Каждая мысль о том, чтобы забраться наверх, заставляла внутренности сжиматься: а вдруг трос лопнет, вдруг механизм даст сбой, вдруг эта штука просто решит рухнуть?

Но тут рядом оказался Максим. Он не стал смеяться над моим страхом или торопить — просто встал чуть впереди, закрывая собой этот пугающий силуэт, и мягко, но уверенно взял меня за руку.

— Не смотри на высоту, — тихо сказал он, чуть наклонившись ко мне. — Смотри на меня. Мы поднимемся совсем чуть-чуть, а если станет страшно — сразу спустимся, ладно? Я рядом.

И от его голоса, от того, как крепко и спокойно он держал мою ладонь, дрожь понемногу начала стихать. Страх не ис-

chez совсем — он всё ещё прятался где-то под рёбрами, тихий и колючий, — но теперь я уже не чувствовала себя один на один с этой громадиной. Рядом был Максим, и этого оказалось достаточно, чтобы сделать первый шаг.

— Пошли, я с тобой, — молвил Макс.

Оплатив билеты, мы оказались внутри.

Кабинка чуть качнулась, и город вдруг распахнулся перед нами, будто кто-то откинул тяжёлую занавеску. Я вцепилась пальцами в поручень, но уже не от страха — от восторга.

Сверху всё выглядело иначе: улицы превратились в тонкие ленты, переплетённые, как нити в узор; крыши домов поблёскивали в косых лучах заката, отливая медью и тёмно-золотым. Парк, ещё недавно такой огромный, теперь казался аккуратным пятном зелени с крошечным озером посередине — будто игрушечным. Вдали темнели силуэты новых кварталов, а ближе к центру старые здания жались друг к другу, храня в себе десятки историй.

Ветер забирался в кабину, трепал волосы, нёс с собой запах жареных орешков с аллеи, сладковатый аромат цветов и чуть солоноватый — будто от далёкого моря. Где-то внизу смеялись люди, звенели голоса, тихо гудел город, но здесь, наверху, этот шум становился мягким, почти музыкальным.

Максим сидел рядом, чуть наклонив голову, и смотрел не столько на город, сколько на меня.

— Видишь ту крышу с флюгером? — он указал вдаль, туда, где на фоне багровеющего неба чернел силуэт маленькой

башенки. — Говорят, оттуда по ночам видно все звёзды.

Я кивнула, не в силах выговорить ни слова: мне казалось, что если заговорить, волшебство рассеется. Город, небо, ветер, тихий голос Максима рядом — всё это сливалось в одно хрупкое, драгоценное мгновение, которое хотелось спрятать в карман и беречь.

Спустившись вниз, я почувствовала, как дрожат колени, а сердце трепыхается от такого подарка. «Когда ещё со мной побудет рядом Максим?» — думала я.

Девчата визжали от восторга — им всё понравилось.
— Ольга, Свет, мне пора, — с лёгкой грустью попрощалась я.

Я махнула мальчишкам на прощание.

Максим стоял позади, и на секунду мне показалось, что он хочет пойти со мной... Секунда, две... Нет, просто показалось.

Ну и ладно. Сегодня был поистине великий день, — радовалась я, шагая обратно.

Я рассуждала, чем заняться на летних каникулах. Цель, которую я ставила днём, уже не казалась мне такой замечательной.

Вздыхнув, я подумала: «Нужна работа, чтобы поднакопить на учебный год».

Остался год, и я смогу быть поближе к Максиму.

Ветер тепло щекотал кожу. Я обратила внимание на вывеску: в новый контактный зоопарк требовались сотрудники.

Я решила узнать подробности — и, верно, всё получилось: мне предложили выйти уже с понедельника.

Я улыбнулась.

На полпути к цели.

Первые дни в контактном зоопарке сливались в один сплошной вихрь: запахи сена, тёплого молока и чуть терпкого звериного духа, звонкие голоса посетителей, нетерпеливое попискивание и топот маленьких лап. Я будто попала в другой мир — шумный, живой, бесконечно трогательный.

Меня поставили помогать с мелкими обитателями: кроликами, морскими свинками, цыплятами, козлятами. Каждое утро начиналось с обхода вольеров: я проверяла, всё ли в порядке, меняла подстилки, наливала свежую воду, аккуратно перебирала сено, чтобы оно было мягким и без колючек — казалось, что даже это важно, ведь животные должны чувствовать себя в безопасности.

Потом наступало самое любимое: кормление. Я брала корзинку с нарезанными овощами и яблоками, и малыши тут же сбегались к ней. Крольчонок Пушок первым протискивался вперёд, смешно дёргая носом, а козлёнок Тимка норovil лизнуть ладонь, будто хотел убедиться, что это она, его знакомая добрая девушка. Я смеялась, гладила их по мягким ушкам и шептала что-то тихое, ласковое — и в эти минуты весь остальной шум будто затихал.

А потом приходили дети. Для них я становилась проводником в этот маленький звериный мир. Терпеливо показы-

вала, как правильно держать кролика, чтобы не напугать, как протягивать ладонь козлёнку, чтобы он понял, что ему ничего не грозит. «Смотри, он тебе доверяет, — шептала девочке лет шести, помогая осторожно погладить козлёнка. — Он чувствует, что ты не сделаешь ему больно». И в глазах ребёнка загоралось такое чистое, восторженное счастье, что у меня сжималось сердце от тепла.

Были и трудные моменты. Однажды перепуганный цыплёнок забился в угол и дрожал всем крошечным тельцем, и я, забыв про расписание и очередь гостей, присела рядом, заговорила тихо, медленно, пока он не прижался к ладони. Или когда мальчик слишком крепко схватил кролика — мне пришлось мягко, но твёрдо остановить его, объяснила, показать, как надо, и видела, как в его глазах вспыхивает понимание: «Я мог сделать ему больно... я не хотел». И это тоже было важно — учить бережности.

К концу смены ноги гудели, на джинсах оставались пушинки и соломинки, а руки пахли сеном и морковью. Но когда выходила за ворота и поднимала лицо к вечернему солнцу, чувствовала странную, тихую гордость: сегодня не просто «работала», я делала так, чтобы кому-то — и зверьку, и ребёнку — стало чуточку спокойнее и радостнее.

И ещё замечала, что, пока ухаживаю за малышами, мысли о Максиме не крутятся в голове лихорадочно, а становятся ровнее, светлее. Как будто этот маленький живой мир учил терпению и спокойствию. А по вечерам, когда город зажигал

огни, я улыбалась, вспоминая тёплый нос козлёнка на своей ладони и детский смех, и думала: «Это тоже путь к цели. И он мне нравится».

Так прошло мое лето.

Решение

Наступила осень. Девчонки съехали в общежитие — им так проще... списывать.

«Неумехи мои!» — шутила я. Они подначивали меня из-за чувств к Максусу.

Ромка с головой погрузился в мир программирования и почти не замечал нас.

Ну а Максим... Максим начал встречаться с очередной девушкой.

Об этом мне рассказала Света, болезненно наблюдая за мной. Только они знали про мою любовь, только им я доверила свой секрет и рассказывала мечты о нём. Для остальных, в том числе для родителей, почему-то было твёрдо решено, что именно Ромка — моя судьба. А Максим - не подходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.